

ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ, КЛОУНЕССА!

Штрихи к портрету актрисы
«Школы драматического искусства»
Натальи КОЛЯКАНОВОЙ

Поначалу на том конце провода длинные паузы чередовались с междометиями, когда же, наконец, до нее дошло, откуда ей звонят и кто, она расхохоталась таким знакомым мне нервно-гомерическим смехом и не без легкой иронии: «А ты пораньше не мог мне позвонить?» Я мысленно представил ее замороженно-заспанное бледное лицо с тонкими, едва заметными чертами, полузакрытые глаза и тот внутренний монолог, который она могла бы произнести в мой адрес, потому как, каюсь, разбудил ее — «сову» по натуре — этак около восьми часов утра — в священное для актеров время покоя. Впрочем, постепенно оттаяв, она дала мне свои столичные координаты, рассказала вкратце о поездке в Германию, на том и расстались, чтобы через две недели встретиться вновь уже в Москве. С ней, выпускницей Иркутского театрального училища, в прошлом актрисой драматического театра имени Н.П.Охлопкова, а теперь уже, кажется, навсегда москвичкой и, кажется, навсегда актрисой «Школы драматического искусства» Натальей КОЛЯКАНОВОЙ.

Сов. молодежь — Иркутск — 1992 — 16 июля

.. Сажу над чистым листом и пытаюсь вспомнить иркутскую биографию актрисы. Напрягаю память и задаю сам себе вопрос: «А была ли она вообще — эта биография?»

Ирина в невнятном, а потому быстро снятом с репертуара спектакле «Три сестры», какая-то незначительная роль в явно провальном спектакле «Гроза», эпизодическая, кажется, даже бессловесная в «Ромео и Джульетте», еще какие-то, даже не роли — рольки в пьесах «советскоязычных» авторов, быстро ставившихся и так же быстро уходивших в небытие — безболезненно для театра и для самой актрисы. Но вот что любопытно: выходя на сцену в этом проходном ширпотребе, Коляканова часто позволяла себе ломать так называемую эстетику психологического театра. Так и не научившись «понарошке» страдать, переживать, любить и ненавидеть, она, словно каждый раз давая себе установку: «Сегодня мы импровизируем». Однажды примерив на себе маску клоунессы, уже не могла обойтись без вольностей. По своему интерпретируя логику сценического образа, она устраивала театр в театре, этаким моноспектаклем, не стесняясь, с присущей ей откровенностью, «строить морды», выражая тем самым свое отношение к пьесе, спектаклю, персонажу, да и к самой себе — иначе говоря, играла одну и ту же роль — пересмешницы. И не только на сцене.

Она защищалась, смеясь: на сцене, в кулуарах, в коридорах «подворья» — бывшем общежитии драмтеатра. Смеясь, она пыталась расстаться со своим прошлым — с мужем, с хроническими простоями в театре, с вечным безденежьем и с той юной девочкой — Наташкой Колякановой — примой-студенткой театрального училища, которой не цыганки на вокзале — педагоги предрекали яркую сценическую жизнь.

Быть может, только в арбузовских «Воспоминаниях», поставленных Вячеславом Кокориным, она наступила на горло собственному имиджу: не выходила — выплывала на сцену в заторможенно-сономбалическом состоянии с непроницаемым, отрешенным лицом, полным безразличия и усталости, сыграв даже не характер этой легкомысленной женщины — биографию. Частичку своей собственной? Чужой? Неважно.

Я вспоминаю этот спектакль, Коляканову и, кажется, вновь вижу, как Евгений Евтушенко, приехавший в Иркутск снимать свой «Детский сад», подошел к нам, сидевшим в баре Дома актера, поцеловал ей руку и сказал: «Я только что посмотрел «Воспоминания» — спасибо!» И вдруг, вопреки ожидаемой ре-

акции — ее нарочито театрально-юродивого, не без издевки, смеха, она заплакала, да что там, просто зарыдала. Прости и прощай, клоунесса?..

«В Москву! В Москву! В Москву!» — так и несбывшаяся мечта ее чеховской героини оказалась вполне реальной для нее — Натальи Колякановой, которую не засосал периферийный омут, спокойная и, в сущности, ничемная провинциальная оседлость. Помню, она всегда избегала больших компаний, тем более с застольем, как избегала всяческих умствований «подшофе», во время которых все — непонятые «гении». Слабый, незащищенный человек, она предпочитала уединение, оставаясь один на один со своими романами, драмами, одиночеством, так и не ставшими поводом для рефлексий.

Теперь, спустя восемь лет, все, что с ней произошло, видится вполне закономерным, но тогда казалось: две параллельные пересекутся скорее, чем творческие пути-дорожки их двоих: уже в ту пору знаменитого режиссера Анатолия Васильева и ее — одну из актрис труппы драматического театра имени Н.П.Охлопкова.

Неудачная проба у Никиты Михалкова в «Обломове» («Наташину» роль сыграет Елена Соловей), о которой, впрочем, она не любит вспоминать, вовсе не смутили ее. Она все-таки поедет в Москву, поступит в ГИТИС на курс Марка Захарова, в отличие от Григория Жезмера и режиссера «постжезмеровской эпохи», увидевшего в ней актрису. А потом — перст судьбы

— встреча с Васильевым, трудная азбука школы драматического искусства — в ту пору — без кавычек, — которую она, одна из немногих его учеников, штудировала до сих пор.

Мы сидим с ней за маленьким круглым столом в музее «Школы драматического искусства», что на улице Воровского, сидим напротив друг друга, и она, рассказывая мне о своей жизни, долго вспоминает даты, название спектаклей и страны, где побывала вместе с театром, известным сегодня всей Европе. А вокруг фотографии: вон там она с Питером Бруком, а на этом снимке — с Феллини и Джульеттой Мазини, а чуть дальше — фрагменты из спектаклей «Серсо», «Шесть персонажей в поисках автора», «Сегодня мы импровизируем», «Бес», «Идиот», «Я — чайка»... Я пытаюсь сравнить их — ту Коляканову, иркутскую, с сегодняшней, московской, пытаюсь найти в ней перемены и не нахожу, хотя со дня нашей последней встречи прошло больше восьми лет. Впрочем, московская ли жизнь, гострольная ли — бельгийская, французская, мексиканская или испанская, в принципе, ее не занимает. Театр и дом (в Москве общежитие, за границей — гостиница) — вот те два пункта, из которых она — одинокий путник — путешествует уже много лет.

Чутьочку везения никогда никому не мешало, — говорит Наталья, — возможно, я бы никогда не сыграла Наденьку в «Серсо», но Наташа Андрейченко, игравшая эту роль, вышла замуж за Максимилиана Шелла и я ее замени-

ла, как заменила актрису, репетировавшую Падчеричу в «Шести персонажах в поисках автора», но ушедшую в декрет. В театре — оно всегда так, стоит вмешаться случаю и... Вообще объяснить на пальцах, что такое театр Васильева — сложно. Могу только сказать: всему, чему нас учили в Иркутском театральном, у Васильева надо забыть. Анатолий Александрович проповедует другую энергетику. Для него театр — это способ жизни, торжество духа, а мы — актеры — персонажи материальные и в то же время эфемерные, несущие не чуму, а свет, своего рода проводники между земным и возвышенным. Не знаю, понятно ли я объясняю? — и после паузы без всякого перехода, — слушай, давай я лучше покажу тебе наши развалины.

Мы спускаемся в подвал жилого дома, где некогда была огромная комната, заменившая Васильеву сцену и зал, комната, откуда и вышла в «высший свет» и «Школа драматического искусства». А теперь здесь на самом деле развалины: все сломано в надежде на реконструкцию. Нет ни подвала, ни первого этажа общежития, в одной из комнат которого некогда жила она.

— Вон мое окно, — показывает Наталья, — а под моей комнатой была сцена, представляешь?

Я спрашиваю у нее про кино, про нашумевший фильм «Такси-блюз», который она вместе с другими актерами представляла на международном фестивале в Каннах.

— А что «Такси-блюз»? Лично для себя я не открыла в этой роли ничего новенько-

го. Даже совсем наоборот — возвратилась в свое иркутское прошлое. Что я в этом фильме делала — «морды строила», как некогда на охлоповской сцене. Это не «Идиот», где ты сегодня играешь Настасью Филипповну, завтра — Аглаю, а послезавтра — Елизавету Проконьевну, а еще через неделю... князя Мышкина, да, да — не удивляйся — для Васильева ничего невозможного нет... Что до фильма Лунгина, прошедшего во многих странах мира, то он создал мне стереотип этаким простушки-продавщицы. Наверное, поэтому немцы пригласили меня сниматься в роли домработницы Эммануила Канта, поляки предложили нечто подобное в ленте «Самое главное», правда, у Ивана Дыховичного в картине «Прорва» я снялась в роли немецкой танцовщицы Уты Лемпер — этаким голубой героини-мотылька, в страшные сталинские времена смотрящей на мир сквозь призму розовых очков. Но кино — это для передышки, главное — театр, «Школа драматического искусства», Васильев... Может быть, это слишком громко сказано, может быть, нескромно с моей стороны, он у Васильева я чувствую себя мессией, да и, наверное, не я одна.

Николай ЕВТЮХОВ.
Москва — Иркутск.

На снимках: фрагменты из спектаклей «Я — чайка». Наталья Коляканова в роли Нины Заречной и Маши.

Фото
Андрея
БЕЗУКЛАДНИКОВА.

